

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ РУССКИХ НАРОДНЫХ САТИРИЧЕСКИХ СКАЗОК

Текстологическое изучение русских сказок можно начинать лишь со сказок XVIII века, т. е. с того времени, когда появились первые их публикации. Исследование же русских сказок более ранних периодов можно вести только путем реконструкции текстов и заключений по аналогии.

Сборникам русских сказок XVIII в. посвящена довольно значительная исследовательская литература¹, однако до настоящего времени первые публикации подлинно народных сказок, в частности бытовых, изучены недостаточно. А между тем нельзя не согласиться с С. Ф. Елеонским, что «в общей сложности сказки в печатных текстах XVIII века составляют обширный сказочный фонд и, несмотря на плохое качество записей, имеют несомненную историко-литературную и фольклорную ценность»².

Тексты эти сохранены для науки составителями сборников XVIII в., большей частью оставшимися неизвестными или малоизвестными писателями, которым принадлежит честь первых публикаций русской народной сказки. Особый интерес представляют публикации бытовой, сатирической сказки.

Новое дело публикации сказок в XVIII в. принципиально целиком опиралось на фольклор. Следование устной традиции подчеркивается названиями сборников, ремарками составителей, обращениями к читателю. Достаточно вспомнить такие, например, названия сборников: «Мужик, ищущий чести. Рассказчик забавных басен»; «Забавные вечера, или собрание нравственно увеселительных детских сказок, говоренных наизусть по вечерам»; «Веселая старушка, забавница детей, рассказывающая старинные были и небылицы»; «Старичок-Весельчак, рассказывающий давние московские были»; «Веселый рассказчик, повествующий разные истории, сказки и веселые повести»; «Не любо не слушай, а лгать не мешай».

¹ См.: В. В. Сиповский, Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 2, СПб., 1910; С. В. Савченко, Русская народная сказка, Киев, 1914; В. Б. Шкловский, Чулков и Левшин, Л., 1933; В. И. Чернышов, Русские сказки в изданиях XVIII века, сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу», Л., 1934; И. М. Колесническая, Русские сказочные сборники последней четверти XVIII в., «Уч. зап. Ленинградского гос. ин-та», № 33, вып. 2, 1939; С. Ф. Елеонский, Сказка в быту и рукописной литературе XVIII века, «Уч. зап. Московского Городского пед. ин-та», т. XXXIV, вып. 3, 1954; М. К. Азадовский, История русской фольклористики, т. I, М., 1958; J. a g o s l a v M a n d a t, Lidova pohadka v ruskem vyvoje literarnim, Praha, 1960.

² С. Ф. Елеонский, Указ. раб., стр. 106.

В заглавиях подчеркивается подчас не только связь сборника с фольклором, но и с обычаем рассказывать сказки на сон грядущий, неоднократно отмечавшимся в литературе, в частности в сатирических журналах второй половины XVIII в. Таково, например, название сборника «Лекарство от задумчивости и бессоницы, или настоящие русские сказки».

В предисловиях к сборникам постоянно указывается близость печатаемых текстов к народному творчеству, что служит как бы оправданием вторжения устной сказки в литературу, необычности и недостаточной профессиональной литературной квалифицированности сборников. Так, автор сборника «Забавный рассказчик» Евграф Хомяков в посвящении говорит о «слышанных от рассказчика и собранных им сказках». В. Левшин отзывается о своей книге как о «содержащей в себе отчасти повествования, которые рассказывают в каждой харчевне», а в заглавии ее упоминает «оставшиеся через пересказывание в памяти приключения». Сергей Друковцов дает к своей книге «Сава, ночная птица, повествующая русские сказки, из былей составленные» эпиграф: «Сава в день сидела, по ночам летала, кур хватала, где что видела и от кого что слышала рассказывала»³.

Составители сказочных сборников упорно обращаются к определенному контингенту читателей, а именно — к любителям слушать сказки. Так, составитель сборника «Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок, изданного иждивением московского купца Ивана Иванова для любителей оных» в «Предупреждении» пишет: «Зная много людей, кои большую имеют охоту до старых погудок, из них некоторые желательны были, чтоб иметь несколько забавных и шутивых повестей, собранных в одно место, которые были б изданы в свет и так в удовлетворении их желания столько, сколько мог заимствовать от разных рассказчиков, снабдивших меня сею материею, собрал и читателям моим сообщаю»⁴. Евграф Хомяков также говорит о своем намерении «сделать удовольствие тем, кои охотно читают сказки»⁵. Наконец, М. М. Херасков, подчеркивая мнимую сказочность своей «Бахарианы», «волшебной повести, почерпнутой из русских сказок», следуя установившемуся обычаю, дает ей эпиграф:

Проходит летняя приятная пора,
Настали скучные осенни вечера,
Не милы нам пиры, не милы игры, пляски,
Что ж будем делать мы? Писать и слушать сказки...⁶

Составители сборников как бы сознательно отступают на второй план, выдвигая на первый план образ сказочника, рассказчика, якобы стремясь сохранить его стиль. Е. Хомяков, например, «возможные недостатки красноречия» своей книги объясняет тем, что он «не хотел потерять того слога, коим повествовал ему рассказчик его»⁷. Пропуски в повествовании он соответственно мотивирует: «Оных слов мой рассказчик не упомянул, следовательно, и мне не известно было, что тут написать». Он дает словесный портрет рассказчика и упоминает традиционное для русского бахаря угощение: «Успех сей сказки, сказал мой рассказчик, произошел от вина, следовательно, и мне должно выпить рюмку оною. Я не доволю рюмку, но и стакан ему велел наполнить, он, выпив и разгляда бороду, начал таким образом»⁸. Состав-

³ Сергей Друковцов, Сава ночная птица, повествующая русские сказки, из былей составленные, СПб., 1779.

⁴ «Старая погудка на новый лад», М., 1795.

⁵ Евграф Хомяков, Забавный рассказчик, М., 1791.

⁶ «Бахаряна, или неизвестный», М., 1803.

⁷ Евграф Хомяков, Забавный рассказчик, ч. I, М., 1791.

⁸ Там же, стр. 88.

витель сборника «Вечерние часы» отмечает заслуги сказочников, донесших до нашего времени древние сказки славян древлянских; «Время,— пишет он,— съело все сии рукописи, но рачительные сказывальщики древних сказок довели до наших дней это наследство своих предков». Составитель сборника «Крестьянские сказки» скрывшийся за инициалами М. Ж., просит извинить «недостатки красноречия рассказчика» его потому, «что я каким штилем от него слышал, так же точно и вам предлагаю». Наконец, пусть несколько иронически, портрет сказочника-мастера дан в известной книге Василия Березайского «Анекдоты древних пошехонцев».

Неоднократно встречаем мы в сборниках XVIII в. и указания на народность, или «простонародность», публикуемых сказок. О сказках, которые «можно услышать в любой харчевне», как уже упоминалось выше, говорит В. Левшин, и именно так они были отмечены и неблагоклонным рецензентом в «Санктпетербургском Вестнике». «Крестьянские сказки» называет свой сборник М. Ж. Такой же характер носят постоянно повторяющиеся указания на то, что предлагаемая вниманию читателей книга содержит «настоящие русские сказки». Сборник «Старая погудка на новый лад» имеет подзаголовок «Или полное собрание древних простонародных сказок». В этом плане сказка противопоставляется «высоким» жанрам — «мы не поему, ниже высокопарную сочиняем оду,— пишет В. Березайский,— а просто без прикрас побасеночки сплетаем да мараем»⁹. Да и самые образы зубоскала, веселой старушки, старичка-весельчака, пересмешника, определяющие характер сборников, а также их названия («Старая погудка на новый лад», «Дедушкины прогулки», «Не любо не слушай, а лгать не мешай») нарочито грубоваты, подчеркнуто «простонародны».

Как правило, составители сборников XVIII в. подчеркивают, что их цель — дать любителям сказок «легкое чтение», «собрание народных русских сказок, служащее к увеселению и забаве любителей простого слога», как говорится в одном из сборников. «Благосклонный читатель! — пишет составитель сборника «Зубоскал, или новый пересмешник», — сим предуведомляю тебя, что сия книжка написана мною и выпущена или издана в свет не для поправления умов и нравов человеческих, потому что в ней нравоучения совсем не имеется, а только для того, если кто возьмет труд ее прочесть, то она может служить забавою или по крайней мере веселым препровождением свободного времени». В этой установке сборников сказок XVIII в. мы также видим общность с народной сказкой, которая прежде всего должна быть занимательной, основная черта которой — вымысел. Эта жанровая особенность сказки очень точно сформулирована еще в XVIII в. в одной заметке «О сказке»: «Сказка есть повествование вымышленного происшествия... она требует вымыслов... Действие поэмы эпической есть истинное, а в сказке оно не должно быть истинное, ниже принимаемое за оное, ибо тогда произвело бы не «сказку», а «историю»¹⁰. Кстати сказать, установка на «несерьезность» в литературной сказке столь же явная, сколь и в устной: и та, и другая поучают читателя, выражают заветные мечты и мысли своих творцов.

Нарочитое подчеркивание «легковесности» сказочной литературы было отчасти порождено и отношением к сказке образованного читателя XVIII в. Достаточно вспомнить, как А. Болотов в своих воспоминаниях с негодованием описывает фельдмаршала на походе, который, утлая в пуховиках, слушает «глупые и одними только нелепостями наполненные сказки», как иронически отзывались о сказках сатирические

⁹ В. Березайский, Анекдоты древних пошехонцев, СПб., 1798, стр. 151.

¹⁰ Цит. по книге В. В. Сиповского «Очерки из истории русского романа», т. I, вып. 2, стр. 84.

журналы того времени, как Фонвизин высмеивал пристрастие к сказкам Митрофанушки и Скотинина. В XVIII в. образованные русские люди иронизировали над сказками, но охотно слушали их, слегка презирали их, но покупали и читали.

Кто же составители этих сборников, явно направленных «низовым» читателям: грамотным крестьянам, мещанам, мелким чиновникам, купеческим сынкам, поповичам? Эти читатели хорошо знали народную устную сказку, переводные и оригинальные рукописные повести, усердно переписывали «Бову-королевича», «Еруслана Лазаревича», «Францыла Венециана», «Гаука» и т. п. Они захотели, наконец иметь и свои книги, — ими оказались те же повести и сказки: «Тысяча и одна ночь», «Похождения шута и плута Совестдрала», «Приключения Ваньки-Каина».

Та же социальная среда дала и новых «мелкотравчатых» писателей, хорошо знавших вкусы «низовых» читателей, их запросы, их язык. Это — преподаватель арифметики и словесности Василий Березайский, небогатый помещик Сергей Друковцов, бедняк-разночинец Михаил Чулков, сын унтер-офицера Н. Г. Курганов, «житель города Москвы» Матвей Комаров, «некоторый россиянин» Евграф Хомяков, наконец авторы, скрывшиеся за псевдонимами М. Ж., Е. Х., 80.600 и т. д.

О новых «низовых» писателях XVIII в. В. Н. Перетц правильно писал, что «они приносили в литературу свои вкусы и свои навыки, иногда сохраняя этим для нас перлы устного творчества»¹¹.

«По понятиям своего времени» составители сборников сказки XVIII в. не могли передать народные сказки «со всей безыскусственностью»¹². Однако они сохранили не только многие сюжеты народных сказок, но и народную трактовку сказочных образов, а местами и особенности их стили.

Первую публикацию народной бытовой сказки, а именно анекдота о похоронах собаки, известного в многочисленных народных версиях, неоднократно зафиксированного и собирателями в советское время, мы находим в знаменитом «Письмовнике» Николая Курганова (М., 1769) во втором «присовокуплении» за № 261. Возможно, что Курганов идет не только от русской сказки, так как этот антиклерикальный анекдот имеет широкое международное распространение, однако наличие его в устном русском репертуаре дает нам право предполагать здесь прежде всего русский источник. То же можно сказать и о нескольких других текстах Курганова, приведенных им в числе тех же «кратких замысловатых повестей»: об отце, давшем наглядный урок своим недружным детям, предложив им переломить веник (№ 189), о русском и поляке, согласившихся, что спорное блюдо достанется тому, кто увидит лучший сон (№ 223), о мужике, мудро распределяющем пять хлебов (№ 231). Учитывая интерес Курганова к фольклору, мы имеем все основания предполагать, что ему принадлежат первые публикации русской народной бытовой сказки.

Следующую по времени публикацию бытовой сказки мы находим в сборнике Сергея Друковцова «Бабушкины сказки», напечатанном в типографии Московского университета в 1778 г. В числе анекдотов, изложенных Друковцовым в «простонародном» стиле мы находим рассказ о том, как муж исправил нерадивую жену (Андреев, № 470)¹³, очень близкий к известным в устной традиции версиям этого сюжета. Не только сюжет, но и стилистические особенности текста, рассказан-

¹¹ В. Н. Перетц, Выставка массовой русской литературы XVIII века, Л., 1934, стр. 20.

¹² А. Н. Пыпин, О русских народных сказках, «Отечественные записки», т. CV, 1856, № 4, стр. 42.

¹³ Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Антти Аарне, СПб., 1929. Здесь и далее — Андреев.

ного в устной сказочной манере, дают все основания рассматривать этот текст как публикацию записи народной сказки. Вся интонация сказки, особенно использование рифмы, с целью создания комического эффекта, подтверждает фольклорную подлинность этого текста.

Народные сказки мы находим и в другом сборнике того же Сергея Друковцова «Сава, ночная птица». Содержание его полностью отвечает словам эпитафии, что «Сава рассказывала, от кого что слышала». И в этот сборник составитель включает несомненную запись народной сказки о Лутонюшке (Андреев, № 1842), причем она контаминируется, согласно народной традиции, с антибарской народной сказкой о том, как мужик увез у легковой смешливой барыни свинью с поросятами якобы на свадьбу (Андреев, № 1541). Сказка эта рассказана ярким, живым, подлинно народным языком, что выделяет ее среди остальных текстов сборника.

Публикации Друковцова еще более явно, чем тексты Курганова, опровергают недавно еще общепринятое мнение о том, что В. Левшину принадлежит почин введения в литературу народных сказок. На «пороге русской фольклористики», говоря словами М. К. Азадовского, рядом с Кургановым и Чулковым вырастает фигура Сергея Друковцова, «доброе и заботливого помещика», автора сочинений по городской и сельской экономике, составителя сборников сказок, опубликовавшего две подлинных записи народных сказок. Значение этих публикаций было явно не понято дореволюционными исследователями (А. Н. Пыпиным, В. Модзалевским), оценившими сборники Друковцова как «бессмысленно рассказанные анекдоты»¹⁴.

Несомненна перекличка публикаций С. Друковцова и В. Левшина¹⁵. Сборники их — в едином идейном русле. Тексты народных сказок включены Левшиным во вторую часть (стр. 1—50) его многотомного собрания русских сказок и объединены общим подзаголовком «Сказки народные», указывающим на то, что составитель ясно отдавал себе отчет в принципиальном отличии этих текстов от остального материала его книги. Тексты, идущие вслед за этими тремя народными сказками, объединены уже другим подзаголовком: «Разные, оставшиеся через пересказывание в памяти приключения». Три сказки Левшина представляют собой литературный пересказ подлинных народных сказок, автор которого явно стремится сохранить их «простонародный» характер. Интересно, что все эти три сказки отличаются своей демократической направленностью. Первая из них использует один из острых и популярных сатирических сюжетов о ловком воре, во второй дан иронический образ «прозорливого воеводы», в третьей мы находим эпизоды, раскрывающие издечество чиновников.

Публикации Курганова, Друковцова и Левшина, несмотря на недовольство критики, расчистили путь в литературу бытовой сказке. Известно замечание рецензента сборника Левшина: «Из прибавленных издателем новых сказок, некоторые, как то о воре — Тимохе, цыгане, и проч., с большею для себя книги выгодой могли бы быть оставлены для самых простых харчевень и питейных домов, ибо всякий замысловатый мужик без труда подобных десятков выдумать может, которые ежели все печати предавать, жаль будет бумаги, перьев, чернил и типографских литер, не упоминая труда господ писателей»¹⁶. Ссылкой на «всякого замысловатого мужика» рецензент подтверждает распространенность и народность опубликованных Левшиным сказок.

¹⁴ См. «Русский биографический словарь», СПб., 1905, стр. 692.

¹⁵ «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения», СПб., 1780—1783.

¹⁶ «Санктпетербургский вестник», СПб., 1781, апрель, стр. 295.

Вслед за первыми публикациями народные бытовые сказки в 90-х годах XVIII в. уже включаются в литературные произведения («Похождения некоторого Россиянина»), их число значительно увеличивается в сборниках литературных сказок («Забавный рассказчик»), наконец они становятся основным содержанием сборника («Анекдоты древних пешехонцев»).

В 1790 г. вышло произведение мемуарного характера «Похождения некоторого Россиянина». Автор его скрылся за псевдонимом 80.600, который раскрывается по системе цифровых псевдонимов как П. Х. Высказывалось предположение, что автор этой книги — Петр Хомяков (см. картотеки Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и Государственной исторической библиотеки). Во вторую часть этого произведения включено несколько сказок, якобы рассказанных прохожим солдатом. Сказки предваряются следующим авторским вступлением: «Ежели, любезный читатель, желаешь ты знать повествование простого рассказчика или слог русских сказок, то употреби на прочтении сих страниц, ими наполненных, несколько часов»¹⁷. Введением к этому разделу служит распространенная в русском репертуаре народная сказка о прохожем, который ночует в доме хозяина — любителя сказок (Андреев, № 1376 Б).

Сказки, включенные в «Похождения некоторого Россиянина», объединены общим подзаголовком «Русские сказки». Они довольно разнообразны по своему составу, однако в каждой из них есть элементы фольклора. Так, в литературную повесть о мертвеце и разбойниках вплетается фольклорный эпизод о скряге, притворившемся мертвым, чтобы не отдавать нескольких грошей долгу; по своей основе народная сказка о человеке, остроумно испугавшем сто волков; в занимательной повести о путешествующем солдате близок к фольклору образ ее героя; целиком взята из народного творчества сказка о соревновании в ловкости вора и мошенника; ряд фольклорных мотивов легко обнаруживается в сказке о ведьме и в рассказе о прохожем. Автор сборника всячески старается придать вводимым им в свою книгу сказкам характер записи, он дает описание сказочника, подчеркивает, что публикуемые им сказки рассказывались на сон грядущий. Все это роднит стиль автора «Похождений некоторого Россиянина» со стилем Евграфа Хомякова, составителя сборника «Забавный рассказчик».

Сказки, введенные в «Похождения некоторого Россиянина», не только стилизованы под устную сказку, но местами рассказаны таким живым, народным языком, что ощутимо выделяются из всего остального литературного повествования. Несомненная народность этих сказок дает основание отнести их к фольклорным публикациям XVIII в. Они принципиально ничем не отличаются от предыдущих и последующих публикаций XVIII в., в частности от публикаций В. Левшина. Следует отметить, что одна из сказок «некоторого Россиянина» полностью совпадает со сказкой сборника М. Ж. «Крестьянские сказки», приписываемого Матвею Комарову.

Исключительно большой интерес в плане исследования бытовой сказки XVIII в. представляет сборник Евграфа Хомякова «Забавный рассказчик»¹⁸. Напомним, что в посвящении автор сборника говорит о «слышанных от рассказчика и собранных им сказках», а в обращении к читателям указывает, что хотел сделать удовольствие тем, «кои охотно читают сказки». «Недостатки своего красноречия» он, как и автор «Похождений некоторого Россиянина», объясняет тем, что «не хотел потеть того слога, каким повествовал ему рассказчик». В первой части

¹⁷ «Похождения некоторого Россиянина», ч. 2, М., 1790, стр. 1.

¹⁸ Евграф Хомяков, Забавный рассказчик, повествующий разные истории, сказки и веселые повести, М., 1791.

этого сборника двадцать одна сказка. Из них восемь явно связаны с устной традицией: «Бодрый крестьянин», «Удивительные крылья и фонарь», «Помещик возвращается в свою деревню», «Хозяин в деревне», «Крестьянин, встретившийся на дороге господину», «Победа крестьянина над господином», «Угадчик», «Два крестьянина». В одних из них мы видим фольклорный сюжет, в других — отдельные фольклорные мотивы, в третьих — фольклорные образы. Таким образом, степень их близости устной традиции аналогична сказкам, включенным в «Похождения некоторого Россиянина». Особый интерес представляют бытовые сказки этого сборника и прежде всего сказка «Победа крестьянина над господином», совпадающая по сюжету с текстом Сергея Друковцова. Е. Хомяков использует тот же сюжет «Лутонюшки» (Андреев, № 1384), однако текст его другой, очевидно тоже устный. вариант этого распространенного в народном репертуаре сюжета. Хомяков также контаминирует его со сказкой о мужике, приглашающем свинью на пирушку. «Сия свинья моей матери сестра, а мне родная тетка». Финальный эпизод — крестьянин избивает господина, «дабы впредь не гонялся за мужиком» — и таким образом «крестьянин наш возвратился домой с двумя лошадьми и со свиньей, а господин с испещренной спиною»¹⁹.

Антибарская направленность этой сказки соответствует и другим текстам Хомякова, прежде всего сказке «Крестьянин, встретившийся на дороге господину», явно фольклорный сюжет которой сходен со знаменитой сказкой «Барин и плотник». Ту же направленность мы видим и в сказке «Хозяин деревни». Из эпизодов этой сказки два очень популярны в народной традиции: запасливый работник угощает голодного хозяина сеном, которым он якобы ужинает; барин делает вид, что говорит по-немецки, его требования не понимают, он остается голодным.

Известен в русском фольклорном репертуаре и сюжет сказки «Угадчик»: Мельник, в одежде философа, отгадывает загадки короля: «Сколько на небе звезд? сколь глубоко море, и что у меня в то время будет на уме, как вы с ответом ко мне приедете?»²⁰. Правда, источником этой сказки мог быть и западноевропейский текст, однако не исключена возможность, что Хомяков и в данном случае шел от русского устного текста.

Нельзя сомневаться, что источник сказки «Два крестьянина» — русский фольклорный текст: бедный крестьянин служит на дворе у богача собакой, взамен той, которую он нечаянно убил. Бесспорно фольклорна и сказка «Два приятеля» на сюжет «Лгало и Подлыгало» (Андреев, № 1920).

Итак, составитель сборника «Забавный рассказчик» Евграф Хомяков с полным правом облек свои тексты в форму устной сказки, рассказываемой неким сказочником, образ которого проходит через всю книгу.

Никаких сведений об авторе этого интересного сборника — Евграфе Хомякове нам найти не удалось. Предположение библиографов Государственной исторической библиотеки, что под этим псевдонимом скрывается Елизавета Хераскова, не подтвердилось. Книга Хомякова имеет подзаголовок «Сочинение одного Россиянина», что дает основание сближать ее с книгой «Похождения некоторого Россиянина», автор которой подписался таинственными цифрами 80.600. Обращение же Хомякова к читателю подписано: Е. Х. Житель города Москвы. Инициалами М. Ж. подписал свое обращение к читателям и составитель

¹⁹ Евграф Хомяков, *Забавный рассказчик, повествующий разные истории, сказки и веселые повести*, М., 1791, стр. 87.

²⁰ Там же, стр. 105—106.

сборника «Крестьянские сказки», один из текстов которого, как указывалось выше, совпадает со сказкой из книги «Похождения некоторого Россиянина». В. С. Сопиков раскрывает инициалы М. Ж. как «Московский житель»²¹. Очевидно, это Матвей Комаров — житель города Москвы, автор «Истории славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки-Каина», «Английского милорда Георга» и, возможно, книги «Несчастный Никанор, или Приключения жизни российского дворянина». В. Шкловский, исследователь жизни и творчества Матвея Комарова²², также первоначально склонялся к тому, чтобы приписать его авторству сборник «Крестьянские сказки».

Обе эти книги несомненно близки к сборнику Хомякова «Забавный рассказчик» установкой на устную традицию, рассуждениями о недостатках красноречия, характером народных сказок, включенных в их состав, даже своим оформлением. Наличие на титульном листе «Забавного рассказчика» подзаголовка «Сочинения одного Россиянина» и вместе с тем подписи в той же книге «Московский житель», дает возможность предположить, что автором «Забавного рассказчика» и «Крестьянских сказок», а может быть и «Пождений некоторого Россиянина», является одно лицо, скрывшееся за несколькими псевдонимами. Если это так, то Матвей Комаров вырисовывается перед нами не только как публикатор прекрасного собрания народных песен, присовокупленного им к его сочинению о Ваньке-Каине, но и многочисленных переводных и русских сказок, и значение этого писателя в истории русской фольклористики вырастает до значения М. Чулкова, В. Левшина, Н. Курганова.

В примечании к главе своего исследования, посвященной «Крестьянским сказкам», В. Шкловский сообщает, что он после того, как его книга была набрана, случайно купил сборник «Забавный рассказчик». Появление второго «московского жителя» заставляет В. Шкловского отказать Комарову в авторстве «Крестьянских сказок» и вместе с тем предположить, что некий Е. Хомяков грелся в лучах чужой (комаровской) славы. Вывод — явно неубедительный. За Комаровым, таким образом, остается один только «Ванька-Каин», да еще пожалуй, «Английский милорд Георг». Хомяков же при таком распределении авторства вырисовывается как автор двух сборников сказок и нескольких переводов, так что «греться в лучах чужой славы» ему как будто бы незачем. Наличие сборника «Забавный рассказчик» не опровергает доказательств В. Шкловского в пользу принадлежности «Крестьянских сказок» Матвею Комарову. Аргументы исследователя против своих первоначальных положений недостаточно сильны. Очевидно, не было двух «московских жителей», а только один крупный писатель и фольклорист, публикатор подлинных народных песен и сказок Матвей Комаров.

Насыщен фольклорными элементами и упоминавшийся выше сборник «Старая погудка на новый лад»²³. Мы находим здесь сказку о дурне, делающем все наперекор здравому смыслу (Дурин-Шарин), о ловком воре, оставляющем в дураках барина (сказка о Климке), о батраке (Поп и батрак), обдурившем попа и затем утопившем в мешке барина, который захотел в «Арзамас на приказ». Антибарская направленность текстов этого сборника резче, определеннее, чем в сборнике Евграфа Хомякова. Достаточно указать на то, как описана драка батрака с баарином, в результате которой он «господина своего отправил на тот свет без пашпорта»²⁴.

²¹ В. С. Сопиков, Опыт российской библиографии, М., 1813.

²² В. Шкловский, Матвей Комаров, Л., 1929.

²³ «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок, изданное для любителей оных иждивением купца Ивана Иванова», М., 1795.

²⁴ Там же, стр. 26.

В. И. Чернышов считает возможным видеть в сборнике «Старая погудка на новый лад» запись московского фольклора. «Полагаем,—пишет он,—что наши тексты взяты из устной традиции ...это сказки московские, в том виде, как они держались в среде неграмотных или полунинтеллигентных грамотеев, помнивших старые эпические предания»²⁵. В доказательство своей мысли В. И. Чернышов приводит свидетельства Н. И. Пирогова, Е. А. Чудинского, И. А. Худякова о московских сказках.

Этого, конечно, недостаточно, для точного определения территориальной принадлежности сказок сборника. Убедительнее другое замечание В. И. Чернышова применительно к тому же сборнику: «Простота и ясность построения сказок—след давнего пребывания сказок в среде весьма культурных городских носителей из народа, частью, очевидно, специалистов-сказочников старого времени»²⁶. Нельзя не согласиться и со следующим рассуждением исследователя: «Данные сказки, как и все другие сказочные издания XVIII века, выявляют любопытные факты, выражающие идеологию и потребности низовых грамотных слоев большого города: мелкой буржуазии, ремесленников, приказчиков, дворовых слуг и подобных мало использованных и изученных, но весьма важных носителей русской сказки»²⁷.

Положение это можно целиком отнести и к рассмотренным нами текстам сборников Н. Курганова, С. Друковцова, В. Левшина, Е. Хомякова.

Любопытным источником для суждений о бытовой сказке XVIII в. является, наконец, и упоминавшийся выше сборник В. Березайского «Анекдоты древних пошехонцев» (СПб., 1798). М. К. Азадовский справедливо замечает об этой книге: «Анекдоты Березайского переданы в литературной обработке, но заимствованы всецело из народных рассказов»²⁸. Сборник В. Березайского несомненно связан с рассмотренными нами выше публикациями народных бытовых сказок, но все же стоит несколько особняком. Безусловно, он заслуживает большего внимания, чем до сих пор выпало на его долю²⁹. Иронический тон обращения к «любезным нянюшкам и мамушкам», которым посвящен сборник, соответствует пародийному стилю всего повествования. Путем введения в текст народных пословиц, поговорок, рифмованных прибауток, песен автор пародирует высокий стиль героической сказки лирической песни, плача и этим усиливает комизм анекдотов о пошехонцах. Смехотворные «герои» пошехонцы «садутся на крутеньком бережочке, на желтеньком песочке», ложатся на «травку-муравку»; они, добрые молодцы, «как отставшие от стада лебединого лебедушки, встосковались, пригорюнились», идут «путем-дороженькой куда глаза глядят» и т. д.

Василий Березайский приводит несомненно фольклорные по своему существу сказки-анекдоты о пошехонцах, известные как в русских, так и в зарубежных вариантах. Герои его, как и западные шильдбюргеры, не могут разобрать, где чьи ноги. Они, подобно восточным оленбашцам, месят тесто в реке; как герои русской сатирической сказки бегают в погреб прихлебывать молоко, пасут корову на крыше, носят дым в решете и т. п. В сборнике Березайского приведены и распространенный в русском фольклоре анекдот (на сюжет «Суп из топора» — Андреев

²⁵ В. И. Чернышов, Русские сказки в изданиях XVIII века, сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу», СПб., 1934, стр. 606.

²⁶ Там же, стр. 607.

²⁷ Там же, стр. 609.

²⁸ М. К. Азадовский, Указ. раб., стр. 106.

²⁹ См. о В. Березайском интересную статью Д. М. Молдавского в сб. «Русская сатирическая сказка», М.—Л., 1955, стр. 236—246.

№ 1548) о похлебке, которую варят из камня, и сказка об обманщике, который «высиживает цыплят», очень близкая к бытующей и по сей час сказке «Барыня и цыплятки».

В книге Березайского любопытна переписка Любоведа и Словохота, предваряющая рассказы о пошехонцах, в которой дается как бы авторская характеристика этих рассказов, утверждается их принципиальная принадлежность русской устной традиции. Обращаясь к Словохоту с просьбой сообщить ему предания о пошехонцах, Любовед отмечает новое знаменательное общественное явление: «публика узнала вкус в чтении»³⁰. Он выражает удивление что «при толь благоприятных обстоятельствах для письмословия» никто не вздумает чего-нибудь написать о пошехонцах. «Нет, кажется,— пишет он,— человека, кто бы не знал об них какой-нибудь историйки и не любопытствовал знать более»³¹. Словохот из «города Галича, год нынешний, месяц на небе, число в святцах» также подтверждает народность и распространенность печатаемых ниже рассказов. По его словам, он затрудняется приступить к делу потому, что «на словах-то кое-как можно; ибо не всякое из них ставится в строку, а писать на бумаге совсем иное дело: что написано пером, того не вырубишь топором, говорится в пословице. Сверх же сего, где ты возьмешь достаточное собрание сказаний об етих ироях? Всяк об них что-нибудь знает, говоришь ты; но зачни же спрашивать, то увидишь сам, что не так-то скоро нападешь на знатока и охотника»³².

Вместе с тем Словохот готов служить своими побасками и согласен на то, чтобы они были переделаны: «Где чего недостает, изволь пополнить, худое поправь; где сказано неловко, выдумай острее, что не так, переделай по своему вкусу и представь свету в таком виде, какой тебе будет угоден. Материя ета почти стихотворческая, следовательно и вольности стихотворческие в ней позволительны»³³.

Таким образом, Василий Березайский принципиально поддерживает ту практику переделки народных сказок, которой следовали современные ему литераторы при публикации народных сказок. Именно так поступали Левшин, Хомяков, Друковцов и другие. И все же публикации их опровергают мнение о народной сказке XVIII в. В. Б. Шкловского, высказанное им в книге о Матвее Комарове: «Я думаю,— писал он,— что те сказки, которые называются у нас сейчас подлинно народными и запись которых началась в 30-х годах (Браницын), что эти сказки в XVIII веке еще не существовали»³⁴.

То обстоятельство, что в достоверных записях собирателей русской сказки XIX—XX вв. мы находим многочисленные, несомненно чисто фольклорные параллели к тем текстам, которые были опубликованы в XVIII в., дает нам право считать их первыми, пусть несовершенными, записями и публикациями русской народной сказки, на основании которых можно судить о характере сказочной традиции XVIII в. Публикации бытовой сказки XVIII в. дают возможность судить о ее социальной остроте, о характере ее сатиры, направленной против бар и судебных чиновников, против насилия и вымогательства, о ее идейной близости к передовой литературе того времени. Недаром ее первыми публикаторами и пропагандистами были демократические писатели XVIII века.

³⁰ В. Березайский, Анекдоты древних пошехонцев, 1798, стр. 3.

³¹ Там же, стр. 4.

³² Там же, стр. 7.

³³ Там же, стр. 8—9.

³⁴ В. Шкловский, Матвей Комаров, стр. 240.

SUMMARY

The first publications of Russian popular tales date from the 18th century; from that time on it is possible to make their textual analysis. The new undertaking of publishing popular tales in the 18th century rested on the oral tradition, which left its imprint on the names of collections, the comments of their compilers and their addresses to the reader.

The 18th-century collections of tales were meant for the democratic public and were compiled by democratic authors.

The first publication of tales based on everyday life appeared in 1769 in N. Kurganov's «Pismovnik». Of considerable interest are the texts of authentic tales of this type published by Sergei Drukovtsev in 1778 and 1779. The importance of these publications is patently underestimated by specialists in this field to this day.

The popular tales published by V. Lyovshin in his many-volume collection of Russian tales in 1780 followed the ideological trend of Drukovtsev's publications and were remarkable for their democratic spirit.

The work of Kurganov, Drukovtsev and Lyovshin paved the way for the appearance of this type of Russian tale on the literary arena. In the 1790's, tales based on everyday life were included in different literary works; their share in collections of tales rose considerably and they ultimately became the staple of such collections.

In this connection, considerable interest attaches to «Adventures of a Russian» (1790), whose author assumed the pen name of «80, 600,», to Yevgraf Khomyakov's «The Amusing Story-Teller» (1791), to «Peasant Tales» published under the pen name of M. Zh. (1793). There are reasons to believe that the above-mentioned books were all written by one person — Matvei Komarov.

The collection «Old Story to a New Tune» (1795) is likewise rich in folklore elements, carrying several popular tales on everyday themes. Last but not least, a curious source for studying the 18th-century tale of this type is Berezaitsky's «Anecdotes of the Old People of Poshekhon» (1798).

The above-mentioned publications refute the opinion voiced by V. Shklovsky that the tales, which are known to us in 19th century records, simply did not exist in the 18th century. Inasmuch as in the records of 19th and 20th century collectors we find numerous parallels of the texts published in the 18th century, we may regard the latter as the first, albeit imperfect, records and publications of popular tales, which enable us to judge of the nature of the 18th-century tale, its social poignancy and satirical trend.
